

Первый зрительский отзыв Алек Рапопорт получил в 1943 году; ему было десять лет, и он жил с тетей в Уфе. Письма к матери — в лагерь — Алек украшал своими рисунками, и отзыв принадлежал почтовому цензору: "Не позволяйте мальчику рисовать портреты вождей — он их искажает".

Алек Рапопорт окончил Художественное училище, затем Ленинградский институт театра, музыки и кинематографии (его учителем был Николай Павлович Акимов), работал в театрах, издательствах, на "Ленфильме", преподавал.

В 70-х он примкнул к движению художников-нонконформистов, был одним из организаторов (и автором манифеста) группы еврейских художников "Алеф" и таким образом попал в сферу интересов КГБ. Дальше — "дружеские беседы", слежка, задержания, аресты. В 1976 году Рапопорт вынужден был эмигрировать; в 1977 году с женой и сыном Алек Рапопорт поселился в Сан-Франциско.

В процессе перемещения на противоположную сторону Земли пропало почти все созданное Алеком в СССР с 1956-го по 1976 год — более трехсот работ.

"Судьба русского художника-неконформиста драматична и на родине, и за ее границами. Введенные в заблуждение как "восточной", так и "западной" пропагандой, десятки художников-неконформистов покинули в середине 70-х годов Ленинград и Москву с надеждой "реализоваться на Западе", не зная того, что изобразительный язык русского художника за рубежом нуждается в таком же переводе и толковании, как и язык русского писателя и поэта. Можно также констатировать сегодня, что борьба этих художников в СССР против засилья официальной доктрины оказывалась временами успешной и приносила весомые плоды в их искусстве, в то время, как столкновение с западным коммерциализмом привело многих из этих же художников к досадному снижению качества их творчества".

Алек Рапопорт, 1984 г.

АЛЕК РАПОПОРТ В ГАЛЕРЕЕ «SoMa»

Галерея "SoMa" (South of Market — индустриальный район Сан-Франциско, в котором, волей обстоятельств, сосредоточились студии здешних фотографов и живописцев) состоит из двух частей (точнее из трех, третья — театр): одна — привычного галерейного вида несколько смежных залов с выбеленными стенами, вторая — гигантский холодный ангар, обнаженные балки, перекрытия, тридцатиметровой высоты потолок, в распахнутые ворота могут въехать — и при надобности въезжают — грузовики.

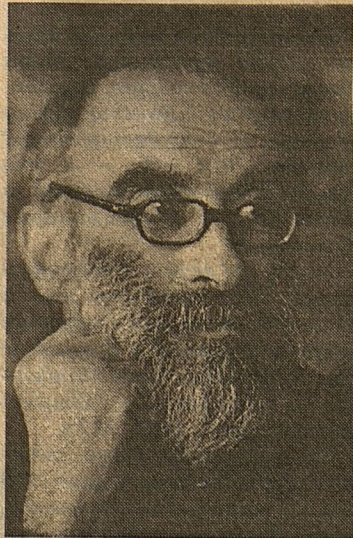
Выставка экуменических работ Алека Рапопорта заполняла собою этот ангар. Суровые ангелы, иступленные пророки, лики святых, излучающие совершенно осязаемое, почти непрозрачное напряжение, двухметровый автопортрет в виде маски кричащего Мардохея, смерч, сворачивающий пространство. И единственный на всю выставку выбивающийся цветовой просвет — пейзаж, дрожащий, двоящийся мираж. "Искушение" — так Алек и назвал эту работу. (Почему-то разглядывая ее, я вспомнил Юрия Трифонова: "Устали? Ничего, отдохнете в другом месте").

Мир Алека Рапопорта — это строгий мир предназначения и долга.

"Художник работает не ради искусства, но при помощи искусства для духовного усовершенствования".

Алек Рапопорт, 1991 г.

Произведения Алека Рапопорта находятся в десятках частных коллекций и музейных собраниях от Ленинградского Русского музея до Ватикана. Думаю, тот, кто познакомится с высказываниями Алека Рапопорта об искусстве, о религии, об истории и культуре, тот, кто прочитает написанное о нем критиками, журналистами, и уж, конечно, тот, кто увидит его работы, вообразит себе этого человека решительным и громогласным, с испепеляющим взглядом и властными движениями.

Алек Рапопорт.

И ошибется.

Алек невысокого роста человек, такой бородатый лесовичок, скорее забавный и уж никак не суровый — любознательные глаза, чуть ироническая, губами, закрытым ртом, улыбка, вязаная шапочка, фуфайка с капюшоном, джинсы, за спиной может быть рюкзак, на ногах сандалии.

Но одновременно — и несомненно — он живет в этом мире взыскующего безжалостного предназначения. И не так уж часто ропщет на судьбу. Он работает.

— Алек, насколько я знаю, это первая ваша выставка, составленная из одних только религиозных работ?

— Да, просто никто никогда не хотел... Вы же знаете, Миша, галерейщиков религиозные темы не интересуют... Религиозные работы мои не только галереи не принимают, но и вот конференция "Искусство и религия", на которой я летом был в Беркли, и она отка-

залась принять... Почему там не приняли, мне до сих пор непонятно.

— Может, потому что вы для них не очень-то внятная фигура: и не христианин, и не иудей?

— Да, да, в этом что-то есть... С какими-то своими нелепыми идеями, на дурном языке... Кажется, это все их нервирует.

— Благочинность нарушаете. Но, по-моему, дело совсем не в вашем языке, Алек, а в ваших работах.

— Может быть. Вот, мне сказали: "У

Автопортрет в виде маски Мардохея.

вас написано «Иудео-христианский апостол Павел». Почему, меня спрашивают, надо писать иудео-христианин, если просто Святой Павел? Это им не нравится... А для меня, как вы знаете, и иудейские, и христианские реалии совпали, вероятно, в силу моего культурного происхождения. И я делаю работы как на ветхозаветные, так и новозаветные сюжеты. И если в Ветхом Завете я остаюсь больше иудеем, то в Новом Завете — я, наверное, больше христианин...

— Я бы сказал ровно наоборот: в новозаветных сюжетах вы явно иудей, а в ветхозаветных — несомненно, христианин.

— Может быть, и так...

— Это осознанная философская программа или просто следствие, как вы сказали, культурного происхождения?

— На самом деле все вместе. Смесь всего... Однако наш культурный опыт, конечно, определил многое. Знаете, в Москве в 93-м году, в том же Центральном доме художника, где была моя выставка, экспонировались картины Владимира Фаворского к уничтоженным его монументальным росписям для Музея материнства... И я, вернувшись в Сан-Франциско, сделал почти сразу две работы: "Успение Богоматери" и "Сомневающийся Фома" — под очень сильным воздействием, конечно, на самом-то деле византийско-русской иконы, но через посредство Владимира Фаворского. Такое ощущение традиции, наверное, необходимо. Когда я зашел в этот зал и увидел Фаворского, для меня это было, словно глоток свежей воды. Такую же свежую чистую воду я пил в Прадо или в других музеях Европы: А здесь мы лишены этого источника... во всяком случае здесь, в Калифорнии.

— Как вам кажется, Алек, в этой ситуации изменился ли ваш стиль? Точнее, изменилась ли ваша интонация? Не страшитесь ли вы декларативности, проповедничества, когда интонация заранее чуть повышается в предвидении оппонентов?

— Миша, одно могу сказать: то, что я делаю, это мой способ размышлять о вопросах, которые меня волнуют. Моя работа — это способ размышления.

— Я знаю, что вы читатель Флоренского...

— Да, Флоренского, и Владимира Соловьева, и вообще русской религиозной философии.

— А что касается иудейской традиции?

— Библия.

— То есть ваши представления об иудаизме исходят в основном из художественного текста?

— Из Священного писания...

— Я хочу сказать, что вы никогда не были практикующим иудеем.

— Да, я не в состоянии быть практикующим никем. Хотя меня это безумно волнует... Но, к сожалению, ни к какой группе я примкнуть не могу и остаюсь в гордом одиночестве. В печальном,

впрочем, одиночестве.

— Главное, вы знаете, где вы стоите.

"Потеря принципа "красота есть познание" приводит к потере цели в искусстве. Лишь в условиях гармонии между собой, обществом и его высшими идеалами (если признать существование высших идеалов вообще, то нельзя не признать их Божественного происхождения), когда искусство не абстрагировано от повседневной жизни, может художник работать полнокровно. В противном случае возникает личностный символизм, не основанный на связи вещей с общеизвестными принципами, но на частных ассоциациях идей. Тогда каждый художник должен быть объяснением индивидуально, искусство перестает быть средством коммуникации. Поверхностная концепция "красоты" не позволяет говорить о "правде". Знак, некогда носивший Божественный символ, несет значение лишь самого себя".

Алек Рапопорт, 1991 г.

Сетую на денежную публику, отдающую предпочтение гладенькому "искусству", я понимаю и то, что не всякую работу Алека Рапопорта легко повесить дома. Я представляю многие из них в специальных залах, куда вы могли бы войти, словно открыть книгу.

Впрочем, не так это странно. Есть такое искусство, которое немисливо большими дозами. Скажем, фильмы Андрея Тарковского или Робера Брессона вряд ли возможно смотреть каждый день. Сомнительно что ежевечерне кто-нибудь открывает на любимом месте платоновский "Котлован".

Но увидеть хоть раз в жизни "Ностальгию", увидеть "Мушкету" Брессона, прочесть "Котлован" — вероятно, хорошо было бы каждому.

Неважно где, можно и в ангаре.

"Религия конструирует каноны. Каноны с течением веков дают искусство. Без догматов-канонов мы не имели бы всей истории древнего и средневекового искусства Европы и Азии. Как скоро искусство перестает служить религии, как высшему проявлению человечности, оно немедленно начинает разрушаться".

Алек Рапопорт, 1991 г.

МИХАИЛ ЛЕМХИН

Лос-Анджелес